

Как и Лян Жань, он по-прежнему величал меня императором, а Сяо Ланя — князем Пинлань, что мне льстило. Но то, о чём он сообщил, повергло меня в уныние.

Фэй Янь рассказал, что хотя душевное состояние Сяо Ланя оставляет желать лучшего, тот наконец затеял чистку в правительстве. На канцлера Ян Цзиня поступил донос: в его доме якобы нашли улики, свидетельствующие о заговоре. Говорили, будто бы это обрывок тайного указа, оставленного моим покойным отцом. Сяо Лань не стал обнародовать содержание указа, а приказал арестовать Ян Цзиня по обвинению в подделке почерка почившего императора. По слухам, дело также задело и других высокопоставленных сановников. Мне стало не по себе.

Я не знал, подставил ли Сяо Лань Ян Цзиня, или указ действительно существовал — ведь я не был законным наследником престола. Хотя отец и объявил когда-то всенародно о своём решении передать трон мне, на смертном одре он передумал. Он сказал, что я слишком молод и бессердечен, что пролил кровь братьев и стану тираном. Поэтому он намеревался лишить меня титула наследника и передать его другому сыну. Однако моя родная мать, госпожа Юй, открыла мне, что отец на самом деле сомневался в чистоте моей крови.

С детства я считал себя избранным, будущим императором от рождения, и, разумеется, не дал отцу возможности изменить свою волю.

В этом деле мне помог канцлер Ян Цзинь, но сохранил ли он подлинный указ — мне неизвестно.

Если Сяо Лань действительно прознает об этом, я лишусь даже нынешнего статуса Верховного императора.

— Если Ваше Величество беспокоится из-за того случая, то напрасно. Тот указ давно предан огню, Ян Цзинь не мог его сохранить. Скорее всего, это ловушка, расставленная князем Пинлань, чтобы не дать канцлеру выболтать какие-нибудь нежелательные тайны...

Я тут же понял, на что намекает Фэй Янь, прищурился и кивнул.

Я ни за что не поверю, что во мне течёт не чистая императорская кровь.

Я ни за что не поверю в тот тайный и ужасный слух, пущенный кем-то, —

Будто я сын Фэй Яня.

— Ваше Величество с каждым днём всё больше напоминает госпожу Юй.

Я пребывал в задумчивости, когда вдруг услышал, как Фэй Янь с тоской произнёс эти слова. Его голос звучал так, словно он видел во мне отражение матери, словно держал в руках прядь её волос. Мною овладело внезапное отвращение. Я с шумом поднялся из воды, подошёл к зеркалу и стал ждать, пока он натрет мне спину укрепляющим тигровым бальзамом.

Фэй Янь встал позади. В зеркале я видел его лицо: длинные брови, стрелой уходящие к вискам, глаза — словно звёзды. Хотя он уже перешагнул порог зрелости и его волосы и борода полностью поседели, облик его остался таким же, каким я запомнил с детства, — точь-в-точь бессмертный небожитель.

А моё лицо, до боли похожее на лицо матери, не имело с ним ничего общего.

Я криво усмехнулся:

— И как только великому жрецу удаётся до сих пор помнить мою мать?

Взгляд Фэй Яня помрачнел. Он вылил мне на спину тигровый бальзам, смешанный с золотой пылью, и принялся медленно втирать:

— Ваше Величество слишком занят делами при дворе. А ведь не стоит забывать, что и женщины в глубине дворца могут принести немалую пользу.

Да, разве не благодаря умению угождать моей матери Фэй Янь вознёсся от простого жреца до таких высот? Но в чём-то он был прав. Обитательницы гарема — особы непростые, взять хоть мою мать или императрицу Мэн.

— Великий жрец прав, это моя оплошность, — слегка вскинув подбородок, произнёс я.

Слово «Мы» на устах прозвучало так, будто с его произнесением минула целая эпоха. Я разглядывал в зеркале своё отражение. Мне двадцать три, черты молоды, но вид болезненный и хилый, кожа мертвенно-бледная, без единого намёка на румянец. Словно изваяние, высеченное из льда, — тронь, и рассыплется.

Неужели я не доживу до того дня, когда снова смогу называть себя «Мы»?

Сяо Лань больше не подносил мне пилюль, но яд, накопившийся в теле, окончательно подорвал моё здоровье. Я больше не мог, как прежде, скакать на коне, охотиться или рубиться в сече. Всё, что мне оставалось, — влачить это жалкое, полужизненное существование.

Я изо всех сил старался гнать от себя мысли о будущем. Фэй Янь собрал мои волосы и закрепил их священной шпилькой из персикового дерева, оберегающей от злых сил. Он уже собрался вытереть остатки бальзама, когда снаружи донёсся тонкий, пронзительный возглас:

— Прибытие императора!

Выражение лица Фэй Яня переменилось:

— Ваше Величество, обождите здесь немного. Мне надлежит выйти навстречу.

Я кивнул. Дождавшись, когда он выйдет, я схватил полотенце, кое-как стёр масло с тела и приподнял край разноцветного занавеса.

Вошёл не только Сяо Лань, но и несколько его детей и наложниц. Отсутствовал лишь Сяо Юй, получивший ранение в ногу. Всех сопровождал отряд дворцовой стражи, выстроившийся так строго, словно готовился вступить в бой.

Я явился слишком рано, раньше времени их ежедневного утреннего поклонения божествам.

Ранка на лбу Сяо Ланя уже затянулась, остался лишь бледно-розовый след, полускрытый свисающими с головного убора золотыми подвесками. Он выглядел вполне обычным, и я не мог сказать, случаются ли с ним, как утверждал Шунь Дэ, те самые приступы безумия.

Я надеялся, что Сяо Лань либо умрёт, либо будет тяжело ранен, но если он станет от этого лишь опаснее — дело плохо.

После того как император совершил поклонение, к статуе поочерёдно стали подходить наследники.

Я заметил, что за короткое время Сяо Ду изрядно вымахал и теперь был выше своих старших братьев и даже отца. Его голова почти касалась висящих сверху священных колокольчиков. Возможно, из-за того, что Сяо Лань устно объявил о намерении сделать его наследником престола, на голове у него уже красовалась плоская корона, полагающаяся только кронпринцу. Своенравные кудри выбивались из-под неё по краям, точно так же, как его непокорный норов. Во всей осанке, в каждом жесте сквозила надменность, присущая отпрыску Небесного императора.

Вот волчонок, надевший человеческий облик — и ведь смотрится вполне правдоподобно.

Я прищурился и наблюдал, как он взял сандаловую палочку, вставил её в курильницу, скользнул взглядом по сторонам и, словно невзначай, прихватил щепотку пепла, спрятав её в рукав. Сердце моё ёкнуло: этот пепел содержал яд, и брать его строжайше запрещалось.

Зачем он это? Неужели собирается кого-то отравить?

Пока я размышлял, Сяо Ду опустил руку, невозмутимо поклонился и отошёл. Как раз в этот момент порыв ветра, пролетевший через зал, раздвинул занавес. Я не успел скрыться, как услышал испуганный крик:

— Убийца!

Кричал сам Сяо Лань. После случая с ледяным шаром он стал похож на пугливую птицу. Несколько десятков дворцовых стражников бросились вперёд, обнажив мечи. Занавес с шелестом рассекли, и он рухнул на меня. Я, обессиленный, отступил на два шага и упал, оказавшись с головой укрыт тканью. Стража набросилась, схватив меня за руки и ноги.

— Оставить в живых! Мы сами допросим!

Фэй Янь вскричал:

— Ваше Величество, да это же Верховный император!

— Убирайтесь прочь!

Руки, сковывавшие меня, тут же разжались. Кто-то быстро подбежал, и в следующее мгновение ткань сорвали с меня. Я осознал, что почти наг, и попытался ухватиться за край занавеса, чтобы сохранить остатки достоинства, но чьи-то невероятно сильные руки резко отдернули его. Передо мной оказалось лицо Сяо Ду. Увидев меня, он на миг замер, затем снова закутал меня в ткань и почтительно помог подняться.

Я переживал невиданное доселе унижение, даже большее, чем когда Сяо Лань заставлял меня петь на потеху.

Сяо Лань с интересом оглядел меня с ног до головы:

— Чем это Верховный император занят в святилище?

Стража изрядно помяла меня, всё тело ныло, я едва держался на ногах, опираясь на Сяо Ду, и без сил пробормотал:

— В последнее время нездоровится. Пришёл просить великого жреца изгнать нечисть.

Затем я скосил глаза в сторону и поманил:

— Шунь Дэ, не мешкай, помоги мне одеться.

Шунь Дэ подошёл и уже взял меня под руку, как Сяо Лань злорадно усмехнулся:

— Изгнать нечисть? Как раз кстати. У Нас остался один шаман из племени Чи, искусный лекарь. Недавно, когда Наша жизнь висела на волоске, именно он спас Нас, призвав душу обратно. Верховный император, должно быть, перепугался. Не угодно ли пройти в Наши покои и испытать искусство этого шамана?

Я сделал вид, что равнодушно опёрся на руку Шунь Дэ, чувствуя лишь, что нужно поскорее убраться отсюда. В голове гудело.

— Благодарю за доброту, но Нам лучше вернуться и отдохнуть.

Сяо Ду шагнул вперёд, грубо отгеснив Шунь Дэ:

— Отец, позволь мне проводить дядю.

Сяо Лань посмотрел на меня, затем на Сяо Ду, и улыбка на его лице медленно угасла. В душе моей поднялось смутное предчувствие беды. Я попытался ступить — и тело не повиновалось, заваливаясь вперёд. Сяо Ду схватил меня за руку, но в тот же миг Сяо Лань подхватил меня с другой стороны. Меня рвануло в разные стороны, будто они собрались разорвать меня надвое.

Я не могу идти в покои Сяо Ланя. Не могу.

Он... сожрёт меня заживо.

<http://bllate.org/book/15952/1426331>